

Предисловие Александра Асмолова

Таинственное вещество человечности

Смотрю на книгу Януша Корчака «Как любить ребенка» и думаю о том, как рассказать не только об этой книге, но и о самом Януше Корчаке.

Можно, конечно, сказать, что он был уникальным писателем, автором «Короля Матиуша Первого» и многих других замечательных произведений. Это верно, но недостаточно. Можно сказать, что он был и выдающимся педагогом. И это тоже будет правдой. Но хватит ли ее?

Никто не смог так глубоко проникнуть в мир школы, как Януш Корчак. Он стал поразительным примером гражданского мужества.

В момент упоминания об этом подвиге перед глазами возникает образ Януша Корчака, входящего с маленькой девочкой в газовую камеру, презрев предложения фашистов оставить детей-сирот, чтобы сохранить собственную жизнь. Это известно.

Но и это не передает бездонность его личности. Я ищу ту меру, в которой бы можно было выразить неуловимое.

Я думаю о том, существует ли на земле мера для того, что называется не просто гуманизмом, талантом писателя или гениальностью энциклопедиста, а бездонностью человечности.

Януш Корчак был тем человеком, который создавал «Миры человечности», и об этом его книга.

Термин «вещество человечности» был введен замечательным поэтом и мыслителем Ольгой Седаковой. И чтобы это понять, нужно его не только услышать, но и прочувствовать, прожить, ощутить всем своим существом.

Как стать не только homo sapiens или homo ludens и далее по списку, но и совершить невозможное — стать тем, кто самой жизнью воплощает и передает другим загадочное вещество человечности?

Напомню слова Корчака, которых многие не услышали: «Я не понимаю, что такое зло. Не знаю, как оно делается».

Как делается зло, Януш Корчак узнал, и не на ком-то другом, а на тех, ради кого он жил и создавал то, чего так не хватает на планете Земля, — вещество человечности.

И если вы хотите постичь, как порождается вещество человечности, как оно наполняет душу, как оно открывает миры других людей, загляните в книгу Януша Корчака «Как любить ребенка».

*Александр Асмолов, заведующий кафедрой
психологии личности МГУ, научный руководитель
Московского института психоанализа, автор
книги «Психология достоинства:
Искусство быть человеком»*

Предисловие переводчика

Книга Януша Корчака «Ребенок в семье» — первая в тетралогии «Как любить ребенка». Эту книгу, наполненную мудростью, теплом и любовью к детям, без преувеличения можно назвать жемчужиной педагогической мысли, бесценным даром, оставленным нам великим польским педагогом, просветителем и гуманистом.

Хотя книга была написана в начале XX века, вопросы и проблемы, затрагиваемые в ней, не утратили своей актуальности и сегодня. Тонкие наблюдения, точность замечаний, честность и откровенность, глубокое понимание детской души удивляют и наводят на размышления.

Многие «предвидения» и «предчувствия» Януша Корчака стали основой современной педагогики, какие-то из них уже сбылись, а какие-то — еще в процессе «реализации». Как неоднократно отмечает автор, в этой книге нет готовых универсальных рекомендаций и советов, кроме одного — думать, наблюдать и анализировать, чтобы находить правильное решение в каждом конкретном случае.

Корчак подчеркивает, что ребенок, так же как и взрослый, имеет право на уважение и собственное мнение. В своей книге он говорит с позиции защитника детей и их прав,

вместе с читателем проходя тернистый путь развития и взросления маленького человека от рождения до юности.

Любые попытки подавления, порабощения ребенка Корчак резко осуждает, поскольку насилие и «дрессировка» делают детей инструментом самоутверждения и достижения эгоистических целей родителей. Он призывает к мудрому воспитанию, в основе которого лежит понимание ребенка и любовь к нему. Педагогическая, или воспитательская, любовь, направленная на защиту детей, — основополагающий принцип, которым должны руководствоваться не только родители, но и учителя, врачи, психологи, социальные работники.

Корчак учит любить детей мудрой, осмысленной любовью, что очень важно для познания и понимания ребенка. Нужно научиться исследовать индивидуальность ребенка, понимать, что физическое развитие — это тяжелый труд, а познание мира и освоение родного языка требуют огромных усилий.

«Ребенок в семье» — это урок любви, в котором Корчак представляет ребенка чудом природы, высшим даром, ниспосланным родителям. Книга предназначена для всех, кто интересуется вопросами воспитания и развития детей, но прежде всего — для родителей и педагогов.

Светлана Арбузова, переводчица

Предисловие автора ко второму оригинальному изданию

Прошло 15 лет, появилось много вопросов, догадок и сомнений, возросло недоверие к провозглашенным истинам.

Истины воспитателя — это субъективная оценка опыта, лишь один, последний момент размышлений и ощущений. Богатство этого опыта заключается в количестве и значимости волнующих вопросов.

Вместо того чтобы исправлять и дополнять, лучше отметить (другим шрифтом) изменения, произошедшие вокруг и во мне.

*Ведь родиться — не то, что воскреснуть:
могила отдаст нас, но не посмотрит на нас,
как мать.*

АНГЕЛЛИ¹

1. Как, когда, сколько, почему?

Я предчувствую множество вопросов, ожидающих ответа; сомнений, которые нужно развеять.

И отвечаю:

— Я не знаю.

Сколько раз, отложив книгу, ты начнешь распутывать собственный клубок рассуждений, столько раз она достигнет поставленной цели. Возможно, быстро перелистывая страницы, ты будешь выискивать рецепты и советы, сетуя, что их мало, — в таком случае знай: если они здесь есть, то не благодаря воле автора, а вопреки ей.

Я не знаю и не могу знать, как неизвестные мне родители могут в неизвестных мне условиях воспитывать неизвестного мне ребенка. Подчеркну: могут, а не желают или должны.

Слова «я не знаю» в науке — это туманность становления, зарождения новых мыслей, приближающих к истине. Для мозга, не приспособленного к научному мышлению, эти слова — мучительная пустота.

Я хочу научить понимать и любить чудесные, полные жизни и удивительных сюрпризов творческие «не знаю» современной науки о детях. Хочу дать понять, что ни одна

книга, ни один врач не заменят собственных размышлений и внимательного наблюдения.

Часто можно встретить мнение, что материнство облагораживает женщину, что, только став матерью, она духовно созревает. Да, материнство действительно поднимает жгучие вопросы, охватывающие все сферы внешней и внутренней духовной жизни, но их можно не заметить, трусливо отодвинуть на отдаленное будущее или жаловаться, что ответы на них нельзя купить.

Давать кому-то готовые мысли — значит поручить чужой женщине родить твоего ребенка. Есть мысли, которые нужно самому родить в боли, и они — самые ценные. Именно они определяют, дашь ли ты, мать, своему ребенку грудь или вымя; будешь ли воспитывать его как человек или как самка; станешь направлять или тащить на веревке принуждения; будешь ли, пока он маленький, играть с ним, находя во взаимных ласках с малышом дополнение к скучным или неприятным ласкам мужа; и позже, когда ребенок подрастет, отпустишь ли его на волю или захочешь держать при себе.

2. Ты говоришь: «Мой ребенок».

Когда, если не во время беременности, ты имеешь на это самое большое право? Биение маленького, как персиковая косточка, сердца — это эхо твоего пульса. Твое дыхание и ему доставляет кислород из воздуха. Общая кровь течет в нем и в тебе, и ни одна красная капля крови еще не знает, останется она твоей или его, будет она пролита или умрет как дань, которую забирает таинство зачатия и родов. Кусок

хлеба, который ты жуешь, — строительный материал для его ног, на которых он будет бегать, кожи, которая его покроет, глаз, которыми он будет смотреть, мозга, в котором загорится мысль, рук, которые он протянет к тебе, улыбки, с которой он назовет тебя мамой.

Вместе вам предстоит пережить решающий момент: вы будете испытывать общую — одну на двоих — боль. Удар колокола возвестит:

— Все готово.

И в то же время ребенок скажет: «Я хочу жить своей жизнью». И ты ответишь: «Теперь живи своей жизнью».

Сильными спазмами своего чрева ты будешь выталкивать его наружу, не заботясь о его боли; уверенно и решительно станет он пробираться к свету, не заботясь о твоих муках.

Жестокий акт. Нет, и ты, и ребенок сделаете сто тысяч незаметных, легких, удивительно точных движений, чтобы, забирая свою часть жизни, не забрать больше, чем положено по закону — универсальному, извечному.

«Мой ребенок».

Нет, даже в течение месяцев беременности и в часы родов ребенок не твой.

3. Ребенок, которого ты родила, весит 4 килограмма.

В нем 3,5 килограмма воды и горстка углерода, кальция, азота, серы, фосфора, калия, железа. Ты родила 3,5 килограмма воды и полкило пепла. И каждая капля твоего ребенка была паром облака, кристаллом снега, туманом, росой, родником,

взвесью в городском канале. Каждый атом углерода или азота связывался в миллионы соединений.

Ты только собрала все, что было...

Земля, подвешенная в бесконечности...

Ближайшая звезда — Солнце — в 150 миллионах км.

Диаметр нашей маленькой планеты — всего лишь 12 тысяч км огня с тонкой, шириной в 5-10 км, остывшей скорлупой.

На тонкую скорлупу, заполненную огнем, среди океанов брошена горсть земли.

На земле, среди деревьев и кустов, насекомых, птиц, зверей, копошатся люди.

Среди миллионов людей ты родила еще одно — что? росточек, былинку? — ничто.

Это существо такое хрупкое, что его может убить бактерия, которая, даже увеличенная в тысячу раз, — всего лишь точка в поле нашего зрения...

Но это ничто — брат из плоти и крови морской волны, ветра, молнии, Солнца, Млечного Пути. Эта былинка — брат колоска, травинки, дуба, пальмы, птенчика, львенка, жеребенка, щенка.

В ней то, что она чувствует и исследует, присваивает и отталкивает: страдание, желание, радость, любовь, доверие, ненависть, вера, сомнение.

Эта былинка охватывает мыслью все: звезды и океаны, горы и бездны. А что же есть содержание души, как не вселенная без границ?

Вот противоречие человеческого существа, появившегося из праха, в котором поселился Бог.

4. Ты говоришь: «Мой ребенок».

Нет, это общий ребенок матери и отца, дедов и прадедов.

Чье-то далекое «я», спавшее среди предков, голос истлевшего, давно забытого гроба внезапно заговорил в твоём ребенке.

Триста лет назад, в разгар войны или в мирное время, кто-то кем-то овладел в калейдоскопе скрещивающихся рас, народов, сословий — по согласию или силой, в момент страха или любовного упоения, изменил или соблазнил — никто не знает, кто и когда, но Бог записал это в книгу судеб, а антрополог пытается разгадать по форме черепа и цвету волос.

Иногда впечатлительный ребенок фантазирует, будто он подкидывш в родительском доме. Так оно и есть, ибо породившие его давно умерли.

Ребенок — это пергамент, исписанный загадочными иероглифами, только часть из которых ты сможешь прочесть, а остальные — лишь стереть или зачеркнуть и наполнить собственным содержанием.

Страшный закон? Нет, прекрасный. Он в каждом ребенке закладывает первое звено в бессмертной цепи поколений. Поищи спящую в этом своем чужом ребенке частичку себя. Возможно, ты найдешь ее и даже разовьешь.

Ребенок и бесконечность.

Ребенок и вечность.

Ребенок — былинка в пространстве.

Ребенок — мгновение во времени.

Иногда родители
не хотят знать то,
что знают, и видеть
то, что видят

5. Ты говоришь: «Он должен... Я хочу, чтобы он...»

И ищешь образец, на который ему следует равняться, думаешь о том, какой жизни для него желаешь.

Ничего, что вокруг посредственность и заурядность. Ничего, что вокруг серость.

Люди суеются, мечутся туда-сюда, носятся с мелкими заботами, мимолетными устремлениями, ничтожными целями...

Несбывшиеся надежды, горькие сожаления, извечная тоска...

Повсюду несправедливость.

Сухое безразличие режет как лед, от лицемерия перехватывает дыхание.

Тот, у кого есть клыки и когти, нападает, а кроткий и слабый сжимается в комок.

Люди не только страдают, но и губят себя...

Кем должен быть твой ребенок?

Воином или тружеником, ведущим или ведомым? Или просто счастливым?

Где счастье? В чем оно?

Знаешь ли ты путь к нему? И есть ли те, кто знает?

Справишься ли ты?..

Как предвидеть, как оградить?

Мотылек над бушующим потоком жизни. Как укрепить, не отягощая полет, закалить, не подрезав крылья?

Собственным примером, помощью, советом, словом?

А если он не примет?

Через 15 лет он будет всматриваться в будущее, а ты — в прошлое. У тебя — воспоминания и привычки,

у него — непостоянство и смелая надежда. Ты сомневалась — он ждет и верит, ты опасаясь — он беспечен.

Молодость, если она не насмехается, не проклинает и не презирает, всегда стремится изменить ущербное прошлое.

Так должно быть. И все же...

Пусть ищет, лишь бы не заблудился, пусть карабкается, лишь бы не сорвался, пусть выкорчевывает, лишь бы не поранил руки, пусть борется, только осторожно. Осторожно.

Он скажет: «У меня другое мнение. Хватит меня опекать».

Значит, ты мне не доверяешь?

Я тебе не нужна?

Тяготишься моей любовью?

Несчастное дитя, не знающее жизни, бедное, неблагодарное дитя.

6. Неблагодарный.

Благодарна ли земля солнцу за то, что оно светит? А дерево — семени, из которого оно выросло? Поет ли соловей матери, которая согревала его своим телом?

Отдаешь ли ты ребенку то, что взяла от родителей, или только одалживаешь, чтобы потом забрать, тщательно записывая все расходы и высчитывая проценты?

Разве любовь — это услуга, за которую ты требуешь плату?

«Мать-ворона, как безумная, мечется вокруг, садится чуть не на плечи юному смельчаку, хватается клювом за палку или за ветки над его головой, как молотом стучит головой по дереву, грызет ветки и каркает в отчаянии хрипло,

надсадно и отвратительно. Когда мальчишка сбрасывает птенца, она кидается наземь и, волоча крылья, разевает клюв, хочет каркнуть, но голоса нет, машет крыльями и скачет к ногам мальчишки, обезумевшая, смешная, словно она первая в своем роду решила на самоубийство. Когда были перебиты все ее детеныши, она взлетела на дерево к опустошенному гнезду и, кружась над ним, о чем-то думала...»²

Материнская любовь — стихия. Люди изменили ее по-своему. Весь цивилизованный мир, за исключением не тронутых культурой народов, занимается детоубийством. Родители, имеющие двоих детей, когда могло быть 12, — это убийцы 10 неродившихся, среди которых и был тот единственный — «их ребенок».

Возможно, среди этих неродившихся они убили самых ценных.

Так что же делать?

Воспитывать не тех детей, которые не родились, а тех, что рождаются и будут жить.

НЕЗРЕЛОСТЬ СУЖДЕНИЙ

Я долго не хотел понимать, что необходимы расчет и забота о детях, которые рождаются. В плену раздела *, подданный, но не гражданин, я был безразличен и не помнил, что вместе с детьми на свет должны появляться школы, училища, больницы, культурные учреждения. Неразумную плодовитость я сегодня воспринимаю как вред и непозволительное легкомыслие.

Возможно, мы на пороге принятия новых законов, диктуемых евгеникой³ и демографической политикой.

---

* Речь идет о четвертом разделе Польши в 1815 г. — Прим. пер.

7. Здоров ли он?

Как непривычно, что он — уже не она сама. Еще недавно в их сдвоенной жизни опасения за ребенка были частью опасений за себя.

Она так желала, чтобы это поскорее закончилось, так сильно хотела, чтобы все это осталось позади. Ей казалось, это избавит ее от забот и волнений.

А теперь?

Странное дело: раньше ребенок был ей ближе, в большей мере ее собственный, она была увереннее в его безопасности, лучше его понимала. Думала, что знает, сумеет. В тот момент, когда забота о нем перешла в чужие руки — опытные, оплаченные, профессиональные, она, отодвинутая на второй план, почувствовала беспокойство.

Мир уже забирает его.

И в долгие часы вынужденного бездействия в голове всплывает множество вопросов: что я ему дала, чем надеждала, как обезопасила?

Если он здоров, то почему так плачет?

Почему такой худенький, плохо берет грудь, мало или слишком много спит; почему у него большая головка, ножки скрючены, кулачки сжаты, кожа красная; что это за белые прыщики на носу; почему он косит, икает, чихает, давится, хрипит?

Так и должно быть? Или ее обманывают?

Она смотрит на это маленькое беспомощное существо, не похожее ни на одного другого из таких же маленьких и беззубых существ, которых она видела на улице, в парке. Неужели и он через три-четыре месяца?..

А может, они ошибаются?

Может, что-то упустили?

Мать с недоверием слушает врача, следит за ним взглядом, пытается прочесть по его лицу, движениям плеч, поднятым бровям, морщинам на лбу, говорит ли он правду, не сомневается ли, достаточно ли сосредоточен.

8. Красив ли он? Мне все равно.

Так говорят неискренние матери, которые хотят подчеркнуть свой серьезный взгляд на цели воспитания.

Красота, обаяние, хорошие манеры, приятный голос — это капитал, который ты дала ребенку; как и здоровье и ум, они облегчают жизненный путь. Не следует переоценивать красоту: без поддержки других качеств она может принести вред. А при наличии она тем более требует особого внимания.

Красивых и некрасивых детей нужно воспитывать по-разному. А так как воспитания без участия ребенка не бывает, не нужно стыдливо скрывать от него вопросы, связанные с красотой, поскольку именно это его портит.

Притворное презрение к красоте — пережиток Средневековья. Разве человек, восприимчивый к красоте цветка, бабочки, пейзажа, должен быть безразличен к красоте человека?

Хочешь скрыть от ребенка, что он красив? Если не члены семьи, так чужие люди скажут ему об этом: на улице, в магазине, в парке, всюду — взрослые или ровесники дадут понять интонацией, улыбкой, взглядом. Скажет тяжелая доля некрасивых, уродливых детей. Ребенок поймет: красота дает привилегии. Точно так же, как понимает, что у него есть руки, которыми он может пользоваться.

Как слабый ребенок может развиваться успешно, а здоровый — стать жертвой катастрофы, так и красивый может оказаться несчастным, закованный в броню уродства — незаметным, невзрачный — жить счастливо. Поэтому ты должна, обязана помнить, что жизнь, заметив какую-либо дополнительную ценность, возжелает ее купить, выманить или украсть. Из этого хрупкого баланса тысяч колебаний возникают неожиданности, часто изумляющие воспитателя мучительными «почему?».

— Мне все равно, красивый он или нет!

Так ты начинаешь с заблуждения и лжи.

9. Умен ли он?

Если мама с самого начала с тревогой задает этот вопрос, скоро она будет требовать.

Ешь, даже если сыт, хоть с отвращением, иди спать, пусть и со слезами, даже если придется час пролежать без сна. Ты должен, я требую, чтобы ты был здоров.

Не играй с песком, не пачкайся, не трепли волосы: я требую, чтобы ты был хорошим и красивым.

— Он еще не говорит... Он старше... а все еще не... Он плохо учится...

Вместо того чтобы наблюдать, познавать и разбираться, берут первый попавшийся пример «удачного ребенка» и собственному предъявляют требование: вот образец, на который ты должен быть похож.

Нельзя допустить, чтобы ребенок богатых родителей стал ремесленником. Пусть лучше будет несчастным деморализованным человеком. Не любовь ребенка, а эгоизм родителей,

не благополучие одного, а честолюбие группы, не поиск своего пути, а ярмо шаблона.

Есть умы активные и пассивные, живые и апатичные, стойкие и капризные, послушные и непокорные, творческие и подражательные, поверхностные и вдумчивые, конкретные и абстрактные, практичные и витающие в облаках; память может быть выдающейся и посредственной; кто-то способен быстро принимать решения, а кто-то вечно сомневается; существует врожденный деспотизм, склонность к рефлексии, критичность; бывает опережающее и замедленное развитие, ограниченность и многосторонность интересов.

Но кого это волнует?

«Пусть закончит хотя бы четыре класса», — говорит смилившийся родитель. Предчувствуя грядущее возрождение физического труда, я вижу претендентов на него из всех социальных слоев. А между тем идет борьба родителей и школы с каждым исключительным, нетипичным, слабым или неразвитым умом.

Не «умен ли?», а скорее «как умен?».

Наивно призывать семью добровольно принести эту тяжкую жертву. Исследования мозга и психотехнические эксперименты будут эффективно подавлять амбиции. Ясное дело, это песня далекого будущего.

10. Хороший ребенок.

Не следует путать «хороший» и «удобный».

Мало плачет, не будит по ночам, доверчивый, спокойный — хороший.

Капризный, крикливый, без видимых причин вызывает у матери больше негативных эмоций, чем приятных, — плохой.

Вне зависимости от самочувствия новорожденные бывают более или менее терпеливыми. Один на каплю дискомфорта реагирует десятью единицами крика, другой на десять единиц недопомогания — каплей плача.

Один — вялый: ленивые движения, слабое сосание, крик без особого напряжения и выраженного аффекта.

Другой — легковозбудимый, движения живые, сон чуткий, сосание жадное, крик до синевы.

Он заходится в крике так, что дыхание перехватывает, его нужно возвращать к жизни, иногда это удается с трудом. Я знаю: это болезнь, которую мы лечим рыбьим жиром, фосфором, безмолочной диетой. Но эта болезнь позволяет младенцу вырасти в зрелого человека с железной волей, сильным характером, блестящим умом. Известно, что Наполеон в младенчестве заходился плачем.

Все современное воспитание направлено на то, чтобы сделать детей удобными; последовательно, шаг за шагом, оно стремится усыпить, подавить, уничтожить волю и свободу ребенка, силу его духа, желаний и потребностей.

Вежливый, послушный, хороший, удобный; при этом не допускается и мысли о том, что он вырастет безвольным и не приспособленным к жизни.

11. Крик ребенка — болезненный сюрприз, который поджидает молодую мать.

Она знала, что дети плачут, но, думая о собственном ребенке, упустила это из виду, ожидая только очаровательных улыбок.

Она будет удовлетворять его потребности, воспитывать с умом, современными методами, под руководством опытного врача. Ее ребенок не должен плакать.

Но наступает ночь, и она остается ошеломленной, с живым эхом пережитых тяжелых часов, продолжавшихся целую вечность. Едва она почувствовала сладость усталости без забот, лени без упрека, отдыха после выполненной работы, отчаянного напряжения, первого в ее беззаботной жизни. Едва она поддалась иллюзии, будто все кончилось, потому что он — другой — уже дышит сам. Погруженная в приятные переживания, она способна задавать природе только полные таинственного шепота вопросы, даже не ожидая ответов.

Как вдруг...

Раздается деспотичный крик ребенка, который чего-то требует, на что-то жалуется, взывает о помощи, а она не понимает.

Будь бдительна!

— Я не могу, не хочу, не знаю.

Этот первый крик при свете ночника — предвестник раздвоенной жизни: одна, зрелая, вынужденная уступать, отказываться, жертвовать, — защищается; вторая, новая, молодая, — пытается отстоять собственные права.

Сегодня ты не винишь его, ведь он не понимает, страдает. Но настанет момент, когда ты скажешь: и я чувствую, и я страдаю.

12. Есть новорожденные и младенцы, которые мало плачут, — тем лучше.

Но есть такие, у которых при крике набухают вены на лбу, выпячивается родничок, лицо и голова становятся багровыми, губы синеют, беззубая челюсть трясется, живот напрягается, кулачки судорожно сжимаются, ножки молотят воздух. Внезапно малыш обессиленно замолкает с выражением полной покорности, «с укором» глядит на мать, зажмуривает глаза с мольбой о сне, а через пару быстрых вздохов снова такая же, а может, еще более сильная атака крика.

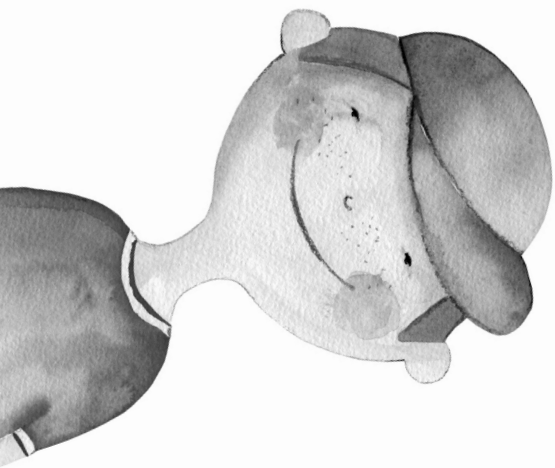
Могут ли это выдержать крохотные легкие, маленькое сердечко, юный мозг?

Спасите, врача!

Проходит вечность, прежде чем он приходит: со снисходительной улыбкой выслушивает ее опасения, такой чужой, неприступный профессионал, для которого этот ребенок — один из тысячи. Он пришел, чтобы через минуту уйти к другим страждущим, выслушивать другие жалобы, пришел, когда на дворе день и все кажется веселее: потому что солнце, по улицам ходят люди. Он пришел, когда ребенок спит, измученный бессонными часами, когда бледные следы кошмарной ночи едва заметны.

Мать слушает, иногда невнимательно. Ее мечты о враче-друге, помощнике и наставнике, проводнике в тяжелом путешествии, рассеиваются как дым.

Она отдает врачу гонорар и снова остается одна с горькой убежденностью, что врач — равнодушный чужой человек, который ничего не понимает. А впрочем, наверное, он и сам ни в чем не уверен, ведь ничего определенного он так и не сказал.

Слепой любовью
можно покалечить
детей; закон должен
взять их под защиту

13. Если бы молодая мать знала, как важны эти первые дни и недели, — не столько для здоровья ребенка сегодня, сколько для будущего обоих.

И как легко потратить их впустую!

Вместо того чтобы понять это, смириться с тем, что как для врача ее ребенок интересен лишь в качестве источника дохода или средства удовлетворения амбиций, так для всего мира ее малыш ничто, он ценен только для нее...

Вместо того чтобы смириться с современным состоянием науки, которая догадывается, пытается понять, исследует и постепенно продвигается вперед, знает, но не уверена, помогает, но не дает гарантий...

Вместо того чтобы мужественно признать: воспитание ребенка — это не приятное развлечение, а дело, в которое нужно вложить капитал из усилий, бессонных ночей, переживаний и размышлений...

Вместо того чтобы переплавить все это в огне чувств в честное осознание, без иллюзий, без детской обиды и эгоистичной горечи, она может переселить ребенка вместе с няней в дальнюю комнату, потому что «не в силах смотреть» на страдание малыша, «не в силах слушать» его болезненный зов; может снова и снова вызывать одного, другого, третьего врача, не получая никакого полезного опыта и оставаясь измученной, ошеломленной, одуревшей.

Как наивна радость матери, когда она понимает первый неясный лепет ребенка, угадывает его переиначенные, незаконченные слова.

Но что теперь?.. Только это?.. Ничего больше?

А язык плача и смеха, взгляда и мимики, движений, сосания?..

Не отказывайся от этих ночей. Они дают то, чего не дадут ни одна книга, ни один совет. Ведь ценность таких ночей не только в знаниях, но и в глубоком духовном перевороте, который не позволяет вернуться к пустым размышлениям о том, что могло бы или должно быть, что лучше бы, если... который учит действовать в имеющихся условиях.

Во время этих ночей может родиться чудесный союзник, ангел-хранитель ребенка: интуиция материнского сердца, ясновидение, которое составляют исследовательская воля, бдительная мысль, незамутненное чувство.

14. Иногда бывало так: вызывает меня мать.

— В общем-то, ребенок здоров, с ним все в порядке. Я просто хотела, чтобы вы его осмотрели.

Я осматриваю, даю пару рекомендаций, отвечаю на вопросы. Ведь он здоровый, милый, веселый.

— До свидания.

И в тот же вечер или на следующий день:

— Доктор, у ребенка температура.

Мать заметила то, чего я, врач, не смог разглядеть при поверхностном осмотре во время короткого визита.

Часами склоняясь над малышом, не владея методом наблюдения, она не знает, что именно заметила, не доверяя себе, не смеет признаться себе в подмеченных тонкостях.

А заметила она, что голос у ребенка, хотя и не хрипит, стал звучать глуше. Лепечет меньше или тише. Вздрыгнул во сне сильнее, чем обычно. Проснувшись, засмеялся, но слабее.

Сосет немного медленнее, может, с бóльшими перерывами, будто рассеянно. Он скривился во время смеха или это только показалось? В гневе отбросил любимую игрушку — почему?

Сотней симптомов, которые подметили ее глаз, ухо, сосок, сотней микрожалоб ребенок сказал: «Мне нездоровится. Неважно чувствую себя сегодня».

Мать не верила собственным глазам, потому что ни об одном из этих симптомов не читала в книгах.

15. Мать приносит младенца нескольких недель от роду в больницу для бедных:

— Он не хочет сосать. Только возьмет грудь и тут же с криком бросает. С ложки пьет жадно. Иногда сквозь сон или во время бодрствования ни с того ни с сего начинает кричать.

Я осматриваю рот, горло — ничего не вижу.

— Дайте ему грудь.

Младенец берет сосок губами, но сосать не хочет.

— Он стал таким недоверчивым.

Наконец ребенок ухватил грудь, быстро — как бы отчаянно — сделал несколько сосательных движений и с криком отпустил.

— Посмотрите, доктор, у него что-то на десне.

Я смотрю снова: покраснение, но странное, только на одной десне.

— Вот, здесь что-то черное, может, зубик?

Вижу что-то твердое, желтоватое, овальное, с черным контуром. Поддеваю, оно двигается, приподнимаю и вижу под ним маленькое красное углубление с кровавыми краями.

Наконец это «что-то» у меня в руке: шелуха от семечка.

Над колыбелью малыша висит клетка с канарейкой. Птичка бросила шелуху, которая упала на губу, скользнула в рот и впилась в десну.

Ход моих мыслей: stomatitis catarrhalis, soor, aphthosa stomatitis, gingivitis⁴, ангина и т.д.

Мать: ему больно, у него что-то во рту.

Я дважды осматривал малыша... А она?

16. Иногда доктора удивляет точность и детальность материнских наблюдений, а иногда — ее неспособность не то что понять, но даже заметить очевидный, элементарный симптом.

Ребенок с рождения только плачет, и ничего больше она не видела. Все время плачет!

Плач начинается внезапно и сразу достигает пика или жалобное хныканье постепенно переходит в крик? Быстро ли ребенок успокаивается после выделения кала или мочи или срыгивания остатков пищи, начинает ли вдруг яростно кричать, когда его купают, одевают, берут на руки? Или жалобно, протяжно плачет без резких вспышек? Как он двигается при этом? Трется ли головой о подушку, делает ли губами сосательные движения? Успокаивается ли, когда его укачивают на руках, часто ли меняет положение, когда разворачивают пеленки и кладут на животик? После плача надолго засыпает глубоким сном или просыпается от любого шороха? Плачет до или после кормления, больше утром, вечером или ночью?

Успокаивается ли, когда сосет грудь? Надолго ли? Или вообще не хочет сосать? Как именно это проявляется?

Отпускает сосок, едва взяв его губами, или при глотании, сразу или через некоторое время? Решительно не хочет сосать или его можно уговорить? Как он сосет? Почему не сосет?

Как ребенок будет сосать, если у него насморк? Жадно и сильно, потому что голоден, потом быстро и поверхностно, неровно, с паузами, потому что не хватает воздуха? Что будет, если появится боль при глотании?

Дети плачут не только от голода и боли «в животике», но и оттого, что болят губы, десны, язык, горло, нос, пальцы, уши, кости; из-за травмированного клизмой анального отверстия, болезненного мочеиспускания, тошноты, жажды, перегрева; зуда, когда на коже еще нет сыпи, но она появится через пару месяцев от жесткой тесемки, складки на пеленке; из-за ворсинки, застрявшей в горле; шелухи от семечка из клетки канарейки.

Вызови врача на 10 минут, но и сама наблюдай 20 часов.

17. Книги с готовыми формулами притупляют зрение и расхолаживают разум.

Живя чужим опытом, наблюдениями, мнениями, люди настолько потеряли уверенность в себе, что не хотят смотреть самостоятельно.

Будто бы то, что содержит в себе бумага с текстом, — откровение свыше, а не результат исследования — чужого, не моего, наблюдения кого-то за кем-то, но не здесь и сейчас и не за моим ребенком. А школа выработала трусость, страх признаться в том, что ты чего-то не знаешь.

Сколько раз мать, записав на листке вопросы, которые она хочет задать врачу, не находит в себе сил их произнести.

А как исключительно редко она дает ему этот листок, потому что «написала какую-то ерунду».

Скрывая, что не знает, она вынуждает и врача скрывать сомнения, колебания, а не говорить прямо и твердо. С каким нежеланием принимает она расплывчатые и условные ответы, как не нравится ей, когда врач вслух рассуждает над колыбелью. И как часто врач, вынужденный быть пророком, становится шарлатаном.

Иногда родители не хотят знать то, что знают, и видеть то, что видят.

Роды в атмосфере, где царит фанатизм комфорта, — настолько редкостное и исключительно вредное явление, что мать категорически требует от природы щедрой награды. Если она согласилась на лишения, заботы, сложности беременности и страдания в родах, то ребенок должен быть таким, какого она желала.

И даже хуже: привыкнув, что за деньги можно купить все, она не хочет смириться с простым фактом — есть вещи, которые доступны бедняку и недостижимы для богача.

Сколько раз в поисках того, на что на рынке навешивают ярлык «здоровье», родители покупают подделки, которые либо не помогают, либо приносят вред.

18. Младенцу нужна материнская грудь независимо от того, родился ли он потому, что Бог благословил пару, или потому, что девушка потеряла стыд; шепчет ли мать: «Мое сокровище», или вздыхает: «Что же мне, несчастной, теперь делать»; поздравляют ли благородную даму или кричат вслед деревенской девке: «Фу, подстилка».

Проституция, которая служит мужчинам, находит свое социальное дополнение в труде кормилиц, помогающих женщинам.

Нужно полностью осознавать узаконенное тяжкое преступление против ребенка из бедной семьи, совершаемое даже не ради ребенка богачей. Кормилица может кормить двоих детей: своего и чужого. Молочная железа дает столько молока, сколько требуется. И кормилица теряет молоко, когда ребенок ест меньше, чем дает грудь.

Формула: пышная грудь + маленький ребенок = потеря молока.

Странное дело: в менее серьезных ситуациях мы склонны обращаться за консультацией к множеству врачей, а в таком важном вопросе, как грудное вскармливание, довольствуемся одним, иногда неискренним, данным кем-то из ближайшего окружения советом.

Боль в груди, трещины на сосках становятся препятствием, но страдание окупается осознанием, что мать вынесла всю беременность, не перекладывая ее тяготы на плечи купленной рабыни. Кормление — продолжение беременности. Как только ребенок изнутри выбирается наружу, оторванный от плаценты, он хватается грудь и не красную, а белую кровь пьет.

Пьет кровь? Да, кровь матери, потому что это закон природы, а не погубленного молочного брата — по законам людей.

Эхо живой борьбы за право ребенка на материнскую грудь. Сегодня из всех проблем на первый план выходит жилищный вопрос. Что будет завтра? Соотношение интересов автора зависит от текущего момента.

19. Может, и я написал бы медицинскую версию «Египетского сонника» для матерей.

«Вес в три с половиной килограмма при рождении означает здоровье, успех».

«Зеленоватый, слизистый стул — беспокойство, печальная новость».

Может, составил бы сборник любовных советов и рекомендаций.

Но я убедился: нет рецепта, который не довели бы до абсурда некритичностью и крайностями.

Старая система:

Грудь — 30 раз в сутки, попеременно с касторкой. Младенец переходит с рук на руки, его успокаивают и качают все простуженные тетки. Подносят к окну, к зеркалу, хлопают в ладоши, гремят погремушками, поют — балаган, да и только.

Новая система:

Грудь — каждые три часа. При виде приготовлений ребенок проявляет нетерпение, сердится, плачет. Мать смотрит на часы: еще четыре минуты. Ребенок спит, но мать будит его, потому что настал час; еще голодного ребенка отнимает от груди, потому что время кормления вышло. Если лежит,